

Почему Земский собор — не парламент?

Дмитрий Лисейцев

Why is the *Zemsky Sobor* not a parliament?

Dmitriy Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870010779-7

Заглавие предлагаемой вниманию читателя статьи, безусловно, можно расценить как своего рода «провокацию». Отчасти так оно и есть — настоящий текст вырос из доклада, с которым я выступил в июне прошлого года на международном научном форуме, подразумевавшем заметный оттенок компаративизма¹. Формат конференции оправдывал подобное название выступления: мне казалось важным, с одной стороны, оформить его как приглашение к дискуссии, а с другой — чётко обозначить свою позицию в отношении нередких в отечественной историографии попыток проведения «исторических параллелей» между Земскими соборами Московского государства и разнообразными органами сословного представительства в странах Европы. В процессе подготовки этой статьи мне неоднократно приходилось задумываться о том, чтобы дать тексту иное, более академичное заглавие. В конечном итоге, однако, я решил сохранить прежнее название, поскольку мой взгляд на проблему не претерпел существенных изменений, а дискуссия по вопросам истории Земских соборов XVI—XVII вв. по-прежнему представляется мне полезной. Формулировка названия статьи подразумевает две её трактовки в зависимости от того, делаем ли мы смысловое ударение на словах «не парламент» или же на вопросе «почему». Не желая разочаровать никого из читателей, коснусь проблемы в обоих аспектах, тем более что они тесно связаны между собой.

Начну с изложения соображений, не позволяющих, на мой взгляд, ставить русские Земские соборы XVI—XVII вв. в один типологический ряд со структурами, за которыми в отечественной историографии прочно закрепилось общее наименование «органы сословно-представительной власти», — английским парламентом, французскими Генеральными штатами и т.д. Традиция причислять к подобным политическим институтам Земские соборы Московского государства в значительной степени выросла на благодатной почве иностранных источников, особенно когда переводчик или комментатор, опираясь на соответствующие научные познания, впадает в соблазн проведения исторических параллелей и произвольной трактовки того или иного термина. Очень заманчиво

© 2020 г. Д.В. Лисейцев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

¹ Международный научный семинар «Люблинская уния и пути развития в Восточной Европе XVI—XVII вв.», проведённый 11 июня 2019 г. журналом «Российская история» при участии Института российской истории РАН, Польского культурного центра в Москве и посольства Литовской республики в Российской Федерации.

становится последовать за очевидцем-современником, описывающим Земские соборы через понятия «штаты» или «парламент». Проиллюстрирую подобную ситуацию на примере сочинения, написанного в начале XVII в. служившим в России французским наёмником Жаком Маржеретом. Повествуя о вступлении в 1598 г. на престол Годунова, француз сообщает читателю о намерении правителя Бориса Фёдоровича собрать для избрания царя «les États du pays». Н.Г. Устрялов, в 1830 г. впервые издавший «Записки Маржерета» на русском языке, передал этот оборот как «государственные чины», никак не комментируя данный фрагмент текста².

Здесь мы сталкиваемся в первую очередь с «трудностями перевода»: французское слово «les États» может быть переведено как «сословия», «штаты», «звания» или «режим». Неудивительно, что в 1830 г., когда тема Земских соборов не превратились ещё в «ристалище», где стали ломать копья и перья западники и славянофилы, французский оборот «les États du pays» был переведён как «государственные чины». Переводчики и комментаторы Маржерета, работавшие над текстом в XX — начале XXI в., оказались уже в принципиально иной историографической ситуации. Основные споры о Земских соборах к тому времени уже успели отшуметь, оставив после себя «в сухом остатке» твёрдую убежденность в том, что соборы Московского государства занимают место в одном ряду с английским парламентом, французскими и нидерландскими генеральными штатами, немецкими рейхстагами и ландтагами, шведскими риксдагами, польскими и чешскими сеймами, пиренейскими кортесами; этот тезис нашёл отражение в чеканных формулировках классиков отечественной исторической мысли³. Сложившаяся в историографии традиция, разумеется, оказывала влияние на переводчика иностранного текста. Ю.А. Лимонов, готовивший научное издание сочинения Маржерета в 1970-х гг. (опубликовано в 1982 г.), из возможных вариантов перевода французского «les États» выбрал именно значение «сословия», как наиболее прозрачно отсылающее образованного читателя к устоявшемуся в историографии конструкту «сословно-представительные учреждения», а в комментариях пояснил, что под французским оборотом «les États du pays» следует понимать именно Земский собор⁴. Спустя четверть века, в 2007 г., учёные получили в своё распоряжение новейшее научное издание сочинения Ж. Маржерета, где упомянутый оборот переведён на русский язык как «штаты страны». В соответствующем комментарии, написанном В.Д. Назаровым и П.Ю. Уваровым, подробно разъяснено, почему для описания Земского собора 1598 г. француз употребил термин «штаты», проводя аналогию между Земскими соборами и французскими Генеральными штатами (les États

² Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 257.

³ «Задача советских учёных — обратить внимание на историю Земских соборов как сословно-представительных учреждений... Стоит обратить внимание хотя бы на то обстоятельство, что иноземные авторы обозначали Земские соборы такими терминами, как “парламент”» (Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 69); «Сравнительно-историческое изучение земских соборов и сословно-представительных учреждений европейских средневековых государств уже давно навело учёных на мысль, что это явления одного порядка, подчиняющиеся общим закономерностям исторического развития, хотя в каждой стране были свои специфические особенности» (Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 2015. С. 397).

⁴ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 60—61, 152, 227—228.

Génégaux)⁵. Что, в свою очередь, делает для читателя несомненным пребывание российских Земских соборов в одном типологическом ряду с сословно-представительными учреждениями Западной Европы.

Другой пример — повествование Дж. Флетчера о российском органе власти, обозначенном в его сочинении словом «parliament» (англичанин транслитерировал русский термин как «Zabore»). Ему англичанин посвятил отдельную главу — «The manner of holding their parliaments». Уже в первом русскоязычном издании труда Флетчера (1867) этот «парламент» перевели как «Земский собор». В 1891 г. С.М. Середонин указал, что в соответствующем фрагменте английского текста повествуется вовсе не о Земском соборе, а о расширенном заседании Боярской думы, к участию в котором приглашены представители духовенства. Замечу, что Флетчер особо подчёркивает: туда не допускают «горожан или других представителей народных»⁶. Иначе говоря, описываемое Флетчером политическое действие, для обозначения которого англичанин употребил термин «parliament», по его собственному мнению, на парламент совсем не похоже. Лишённый желания во что бы то ни стало обнаружить в документах подтверждение активному функционированию Земских соборов, исследователь, в свою очередь, отмечает, что, используя понятие «parliament», англичанин описывает вовсе не собор. Однако аналогия «парламент — собор» выглядит настолько заманчиво, что сущностное несоответствие двух политических институтов с лёгкостью приносится в жертву красивой схеме, тем более что черты внешнего сходства при желании обнаружить нетрудно. Последнее, однако, не означает типовой идентичности. Дельфин живёт в море, формой тела напоминает рыбу, но рыбой не является.

Помимо того что исследователь нередко оказывается в плену у кажущихся ему естественными и незыблемыми исторических представлений собственной эпохи, необходимо учитывать и иное обстоятельство. Иностранец автор-очевидец писал свой труд не для учёных будущих поколений, а для собственных современников-компатриотов. Одна из основных его задач — доходчиво и понятно объяснить соотечественнику реалии чужого для них государства. Будучи сам сформирован в иной культуре, он смотрит на иноземное явление замутнённым взглядом, уже очень рискуя впасть в заблуждение. Описывая соотечественникам явления чужой культуры понятным им языком, он неизбежно вводит в заблуждение и их. Вслед за современниками автора в ту же ловушку охотно попадает историк, стремящийся найти подтверждения тезису о типологической идентичности российских политических институтов европейским. Действительно, если сами англичане XVI в. называют соборы парламентами, вправе ли мы им не доверять (особенно, если верить хочется)? При этом несущественными становятся мелкие детали, не вписывающиеся в стройную историографическую схему. Так ли уж важно, что француз Маржерет, приехавший в Россию в 1600 г., не видел избравшего на престол Бориса Годунова Земского собора 1598 г.? Важно, что при изложении дошедших до него смутных толков о событиях, случившихся несколькими годами ранее, он счёл возможным использовать термин, позволяющий провести параллель между Земскими соборами и Генеральными штатами. Нет беды в том, что нам неизвестен ни

⁵ Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 54, 126, 215.

⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 27; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 230—232.

один Земский собор, который был бы проведён в Москве во время пребывания Флетчера в России и потому, теоретически, мог им наблюдаться. Достаточно и того, что англичанин обозначил некий «Zaboge» словом «parliament», а француз поведал о том, что главный претендент на российский престол хотел, но так и не собрал за неимением времени нечто, скрытое под формулировкой «les États du pays».

Выходя за пределы предлагаемых иностранными источниками заманчивых аналогий, опирающихся на произвольное толкование терминов, мы обнаружим массу существенных различий между Земскими соборами и европейскими органами сословно-представительной власти. Первая из них, пожалуй, наиболее очевидная. Земские соборы возникли не синхронно своим европейским псевдоаналогиям, а с большим хронологическим отставанием. Традиционное объяснение «отставания России от Европы» вследствие пагубного воздействия монголо-татарского ига в данном случае вряд ли удовлетворительно, и не только потому, что создание национального государства в России произошло синхронно аналогичным процессам во Франции и на Пиренеях. В Европе соответствующие органы сословно-представительной власти возникли в процессе борьбы с раздробленностью и были одним из инструментов политики централизации⁷, тогда как в России Земские соборы появились лишь через несколько десятилетий после завершения «собираания русских земель».

Следует помнить и о том, что органы сословно-представительной власти в государствах Европы возникли не вдруг. Появлению парламента в Англии предшествовало подписание «Великой хартии вольностей», а до этого — многовековая традиция функционирования уитенагемотов — совещательных органов при королях, включавших в себя представителей высшей знати и духовенства. Генеральные штаты, собранные во Франции впервые в 1302 г., имели в качестве предшественников расширенные заседания королевских советов с участием представителей городов, а также провинциальные ассамблеи сословий. Кортесы в пиренейских христианских королевствах и вовсе были органами региональными. Ничего похожего на это мы не обнаруживаем в Московском государстве, где Земские соборы возникли в середине XVI в. по инициативе центральной власти без опоры на местные сословно-территориальные структуры. Неоднократно указывалось и на то, что Земские соборы созывались крайне редко и нерегулярно, обладали лишь совещательными функциями, а решения их не были обязательными для верховной власти, нередко действовавшей вопреки соборным приговорам или манипулировавшей в своих интересах участниками соборов.

Наконец, статус Земского собора юридически не зафиксирован ни в одном законодательном акте. Исключением, да и то с некоторой долей условности, могут быть признаны два так и не вступивших в силу соглашения, составленные в самый разгар Смуты. Первое из них — договор от 4 февраля 1610 г., заключённый между тушинцами и королём Сигизмундом III под Смоленском. Строго говоря, собор здесь не упоминается, но присутствуют упоминания

⁷ Впрочем, правомочность употребления термина «сословное представительство» применительно не только к российским, но и к европейским историческим реалиям XVI—XVII вв. была недавно поставлена под сомнение (*Бойцов М.А.* «Сословно-представительная монархия»: ошибка в переводе? // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII в. Международная научная конференция. 7—10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 29—32).

«всей земли», а это выражение исследователи истории Земских соборов охотно трактуют как свидетельство реального функционирования данного политического института. В восьмой статье соглашения между «тушинцами» и королём Речи Посполитой об избрании на российский престол королевича Владислава оговаривалась необходимость обсуждения возможных изменений в судебной системе с боярами и «всей землёй»: «ино тое вольно будет бояром и всей земли». Второе употребление оборота «вся земля» обнаруживается в конце договора, где идёт речь о решении вопросов, не предусмотренных в документе: «О тых артыкулах его господарская милость мовити и становити вконец учинити рачить будет з Московского господарства звычайю, с патрыархом и со всим освещенным собором, и с бояры, и со всею землею»⁸. Спустя полгода, в августе 1610 г., под Москвой заключили предварительный договор между боярским правительством и гетманом Жолкевским. Это соглашение во многом повторяет условия договора от 4 февраля, в том числе и статью о нововведениях в судебной системе: «А будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити с думою бояр и всей земли»⁹.

Учитывая, что оба процитированных документа представляют собой продукт переговоров между подданными Московского государства и Речи Посполитой, можно было бы высказать предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с влиянием польско-литовской правовой культуры¹⁰, однако апелляции к авторитету «всей земли» в договорах 1610 г., надо полагать, имеют всё-таки российское происхождение. Во-первых, потому что обращения к этой формуле около того времени обнаруживаются и в русских документах, возникших явно без польско-литовского влияния. В частности, в составленной в июле 1610 г. крестоцеловальной записи москвичей «семибоярщине», где упоминалось намерение «выбрать государя на Московское государство им, боярам, и всяким людям всею землею... и государя на Московское государство выбрать с нами, со всякими людьми, всею землею, и сославшись з городами»¹¹. Постоянные упоминания о «всей земле», вплоть до заявления о её праве смещать и назначать правительство («и нам всею землею вольно бояр и воевод переменить, и в то место vybrати иных, поговоря со всею землею»), обнаруживаются в приговоре Первого ополчения от 30 июня 1611 г.¹²

Вторая причина, заставляющая усомниться в польско-литовском происхождении статей договоров 1610 г. с упоминанием «всей земли», состоит в крайней расплывчатости и юридической неопределённости понятия. Ни в одном из документов мы не обнаруживаем даже самых общих разъяснений того, что следует понимать под «всей землёй», как именно будет определяться мнение и воля «всей земли». Нет оснований утверждать, что за этой формулировкой скрывается некий политический институт или орган власти; не исключено, что в данном случае мы имеем дело лишь со словесной конструкцией. Стандартная формула «волей Божией» не означает того, что высшая сила каким-то внятным

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1851. № 180. С. 314—317.

⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. II. М., 1819. С. 403.

¹⁰ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 121—128.

¹¹ СГГД. Ч. II. С. 390.

¹² Приговор Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 г. // *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. СПб., 2005. С. 225—226.

образом выразила своё отношение к происходящим событиям, что, однако, не мешало человеку XVII столетия «угадывать» эту волю. Равным образом, «советом всей земли» или «всей земли приговором» вполне можно было считать, например, отсутствие активного несогласия населения страны с распоряжениями верховной власти. Более того, апелляция к мнению «всей земли» оказывалась удобным и мягким способом отказать иностранному партнёру по переговорам в его просьбах. Так, уже во время переговоров под Москвой в августе 1610 г. в ответ на пожелание польско-литовской стороны об установлении совместного управления в пограничных городах заявили: «Московского государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было»¹³.

Русско-польские соглашения 1610 г. можно оценивать по-разному. В.О. Ключевский полагал, что в них «самая идея личных прав... впервые выступает с несколько определёнными очертаниями»¹⁴; С.Ф. Платонов, напротив, считал эти соглашения консервативными, уверяя, что от них «веет духом опричнины и гоудуновского режима»¹⁵. Можно вслед за американским учёным Р. Крамми видеть в февральском договоре 1610 г. первый конституционный проект в истории России¹⁶, однако места для Земских соборов в этой «конституции» не предусматривалось. Даже в Соборном уложении 1649 г., утверждённом именно на Земском соборе, о соборах в принципе речи не ведётся¹⁷.

Столь существенные отличия Земского собора от «парламента» часто становятся поводом для сетований относительно «убожества» Земских соборов в сравнении с европейскими органами сословного представительства¹⁸ с неизбежными обобщениями более высокого уровня¹⁹. Между тем сравнивать соборы с парламентами — занятие в принципе неблагодарное, подобное сопоставлению велосипеда с ветряной мельницей — первый, определённо, плохо мелет муку, а вторая заметно уступает первому как средство передвижения (при том, что вращающаяся часть присутствует в обоих механизмах). Земские соборы не были органами сословного представительства, и упрекать их в том, что они не сыграли той же политической роли, что и английские парламены или французские Генеральные штаты, несправедливо: не их вина, что исследователям времени расцвета парламентаризма они показались в чём-то схожими с европейскими органами сословно-представительной власти. Не менее странными выглядят

¹³ СГГид. Ч. II. С. 402; на аналогичную апелляцию к необходимости совета «со всею землею» в 1585 г. указал немецкий исследователь Торке (*Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 6).

¹⁴ *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 2. М., 1995. С. 159—161.

¹⁵ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 323.

¹⁶ *Крамми Р.* «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С. 240—258.

¹⁷ За исключением преамбулы и раздела о Монастырском приказе, где перечислены участвовавшие в утверждении документа «чины», а также части о запрете приобретения вотчин духовенством, который «собором уложили» (Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 18, 69, 90).

¹⁸ «Земские соборы никогда не могли сделаться существенным элементом государственной жизни»; «Земские соборы исчезли... вследствие внутреннего ничтожества» (*Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 536, 560).

¹⁹ «В подобных явлениях нельзя не видеть совершенного недостатка понятий о правильной общественной организации»; «Царь совещался с подданными, как помещик со своими крепостными, но государственного учреждения из этого не могло образоваться» (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 547, 562).

попытки любой ценой «повысить» значимость Земских соборов, в частности, с помощью изыскания свидетельств о соборах, на самом деле никогда не заседавших²⁰. Между тем Земские соборы, пусть и эпизодически, «мерцали» в российской истории около столетия, и в кризисные моменты о них неизменно вспоминали, пытаясь если не реально их созвать, то, по крайней мере, имитировать созыв. Это наводит на мысль о том, что Земские соборы являлись всё же чем-то бóльшим, нежели «информационными и декларативными совещаниями» (определение Х.-Й. Торке)²¹. Безусловно, они часто выполняли именно эти задачи, но и функции представительства на них также возлагались. Только это было не сословное, а *территориальное* представительство.

Почему же Земские соборы не стали парламентом? Нельзя сказать, чтобы «сословность», выборное начало и ответственность выбранных перед избирателями были совершенно чужды общественной жизни допетровской Руси. Они заметны практически во всех слоях населения страны. Представители провинциального дворянства выбирали из своей среды губных старост, занимавшихся борьбой с преступностью; во время верстаний поместными и денежными окладами дети боярские выдвигали из своей среды окладчиков, в соответствии с показаниями которых, в частности, их распределяли на службу и обеспечивали жалованьем. Очень развитым было выборное начало в среде посадского населения городов — оно выбирало из своей среды земских и посадских старост, а также кабацких и таможенных голов и целовальников. В Москве свои выборные старосты имелись в привилегированных купеческих корпорациях — в Гостиной и Суконной сотнях, в слободах и даже в торговых рядах. Не являлись исключением чернососшные и дворцовые крестьяне. Следовательно, сама идея выборной власти, представляющей в том числе интересы той или иной социальной группы в общении с центральной властью, на уровне региона (уезда, города, сотни, волости) была привычна населению Московского государства.

При этом мы не встречаем сколь-нибудь активного стремления вывести идею представительства на общегосударственный уровень. Инициатива созыва собора всегда (за исключением, может быть, моментов острых политических кризисов) исходит не от регионов, а от правительства. Даже на переломе Смуты, в 1613 г., призыв соборно решать вопрос о верховной власти прозвучал не с мест, а из освобождённой Москвы. Характерно, что распоряжения о присылке в Москву представителей для участия в соборах на местах не вызывали, судя по всему, энтузиазма, и делегации от городов и уездов формировались крайне медленно. Показательна и история с созывом Земского собора 1651 г., когда из Москвы по городам отправили распоряжение прислать в столицу к определённом сроку своих представителей. В ответ в Москву поступили отписки из 44 городов, и лишь в семи случаях мы имеем основания заподозрить, что жители действительно выбирали своих представителей. В остальных случаях воевода добросовестно отчитывался, что в соответствии с распоряжением столичных властей он выбрал людей, которые примут участие в Земском соборе²².

²⁰ Н.И. Павленко, не сомневавшийся в том, что Земские соборы были элементом сословно-представительной монархии, с иронией писал о том, что «усилиями академика М.Н. Тихомирова, А.И. Копанева, С.О. Шмидта, В.И. Корецкого открыто девять новых соборов, якобы созданных на протяжении последних 53 лет XVI века», и «открытие новых соборов стали как бы самоцелью» (Павленко Н.И. К истории Земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 82, 85).

²¹ Торке Х.-Й. Указ. соч. С. 9.

²² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 320—322.

Чем можно объяснить такую пассивность населения провинции? Даже когда речь шла о решении проблемы несомненной важности, как, например, избрание царя в 1613 г., обеспечить присутствие на Земском соборе представителей большинства уездов страны так и не удалось — к моменту провозглашения царём Михаила Романова опоздала даже делегация из Калуги, расположенной от столицы всего в двух сотнях вёрст²³. Почему население городов и уездов, деятельно участвуя в местном самоуправлении, не пыталось перенести имеющуюся практику на общегосударственный уровень, не стремилось защищать свои сословные интересы в Москве? Думается, причина прежде всего в том, что сословия как таковые в период деятельности Земских соборов ещё не сформировались, и посадский человек из Пскова не ощущал сословного единства с посадским из Твери или Ярославля; равным образом, дети боярские из Смоленска совсем не обязательно чувствовали сословную солидарность с казанскими детьми боярскими. Не случайно Смута начала XVII в. расколола общество отнюдь не горизонтально; первая в истории России гражданская война не была, строго говоря, не противостоянием между сословиями, а на протяжении значительной своей части являлась конфликтом окраин и центра²⁴. И хотя *de facto* и *de jure* российское общество делилось на социальные группы (именовать ли их «сословиями», «стратами» или «чинами» — вопрос теоретический), осознание сословного единства, не нарушаемого границами уездов, ещё не утвердилось в сознании подданных русского царя. Симптоматично, что, обращаясь к государю с прошениями, челобитчики в первую очередь обозначали свою территориальную и лишь затем чиновную принадлежность: «арзамасцы дворяня и дети боярския», «псковской помещик», «Михайлова города всяких вольных людей есаулишка», «астарыханской стрелец», «дедиловского служивого иноземца сынишко», «новгородец Бежецкие пятины новокрещен», «москвитин Стретенской сотни тяглец», «Заонежских погостов крестьяне» и т.д. Неся общую службу, а порой даже и проживая в одном городе, люди XVII столетия не забывали о своей территориальной локализации: дети боярские путивльцы и проживавшие и служившие вместе с ними в Путивле черниговцы на исходе Смуты подали в Москве две разные коллективные челобитные, хотя повод к тому имели общий — разорение²⁵. И наоборот, общая нужда заставляла челобитчиков обращаться к государю совместно, «всем городом», отодвигая на второй план чиновную принадлежность: «стародубцы дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и пушкари, и затинщики всем городом, и всякие жилетские и уездные люди»; «Воронежа города дворяня и дети боярские, и поместные отаманы и казаки, и слободские отаманы, и стрельцы, и полковые казаки всем городом»²⁶.

Сословно-чиновные различия играли видную роль на микроуровне, но на уровне общегосударственном прочнее и важнее оказывались территориальные связи. Централизаторская политика московских государей, добившись немалых успехов в административной сфере, не успела ещё одержать победы над сознанием подданных, продолжавших в первую очередь осознавать себя «брянчанами», «свисяженами», «резанцами» и лишь после этого — детьми боярскими,

²³ Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени: как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. № 2. С. 14—15.

²⁴ Флоря Б.Н. Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 52.

²⁵ РГАДА, ф. 210, Севский стол, д. 2, л. 268.

²⁶ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 12, л. 517; оп. 9, д. 109, л. 41.

посадскими людьми или крестьянами. В подобных обстоятельствах *сословное* представительство возникнуть не могло. Что вполне осознавалось и в Кремле: организовывая Земские соборы, столичные власти стремились обеспечить не столько представительство на них «чинов», сколько «земель». К этому выводу приводит анализ употребления в документации 1613 г. понятия «выборные люди». Столичные власти не вкладывали в это понятие никакого конкретного социального значения, добиваясь лишь того, чтобы в Земском соборе приняли участие представители как можно более широкого круга городов и уездов. Чиновная (сословная) принадлежность представителей провинции с точки зрения московских властей не имела принципиального значения. Население городов и уездов, напротив, старалось обеспечить присутствие на соборе представителей разных «чинов» — духовенства, детей боярских, посадских людей²⁷. На уровне уезда, таким образом, подданные русских государей осознавали свою принадлежность к разным социальным слоям. Но не менее отчётливо осознавали они свои общие региональные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами общегосударственными; чаяния же населения соседнего уезда и вовсе могли быть им индифферентны. Региональные интересы оказывалось проще отстаивать на местах, формируя выборное местное самоуправление и выстраивая (нередко на коррупционной основе) систему взаимоотношений с назначаемой из столицы администрацией. К решению общегосударственных вопросов провинцию приходилось принуждать. Участие в соборах не было правом, отвоёванным у центральной власти, а напротив, навязанной сверху хлопотной повинностью, порой оборачивавшейся усилением налогового гнёта. Поэтому не пользовавшиеся популярностью в провинциях Земские соборы так легко и безболезненно отмерли, едва лишь центральная власть перестала нуждаться в них при принятии не самых популярных политических и экономических решений. Полвека спустя, в петровскую эпоху, верховная власть подвела черту и под существованием уездных и городских выборных органов самоуправления: будучи распространёнными по всей России, они так и не осознали себя общероссийским политическим институтом и потому не оказали сопротивления крепнувшей самодержавной власти, предпочитавшей в управлении на местах делать ставку на назначаемых чиновников, а не на выбираемых населением старост. Отсутствие у социальных групп российского общества XVII в. осознания собственного единства в масштабах государства обусловило, в конечном итоге, невозможность превращения Земского собора в парламент.

²⁷ Об этом подробнее: *Лисейцев Д.В.* Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // *Российская история.* 2014. № 4. С. 146—154.